

ЭЛИТЫ И ОБЩЕСТВО

ЭЛИТЫ В КРИЗИСНОМ ОБЩЕСТВЕ

А.В. Дука

(alexander-duka@yandex.ru)

Социологический институт РАН — филиал ФНИСЦ РАН,
Санкт-Петербург, Россия

Цитирование: Дука А.В. Элиты в кризисном обществе // Власть и элиты. 2022. Т. 9, № 1. С. 5–36

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1>

Аннотация. *Анализируются действия политико-административных элит в условиях кризиса. Кризис определяется как максимальная неопределенность существования социетальной (под)системы вследствие неадекватности прежних механизмов ее регулирования. Элиты рассматриваются как динамическая часть ситуации кризиса. Реализация антикризисных мер предполагает также проведение внутреннего разделения в отношении мер, принимаемых доминирующей элитной группой, на сторонников и оппонентов. Сами меры реагирования на кризис зависят от его характера и возможностей элитных групп. Выход из кризисной ситуации может предполагать больше, чем один вариант. Конкуренция внутри элитного сообщества помимо программ основывается на привлечении ресурсов и обеспечении легитимации. В деятельности элит существуют ограничения. Они носят социетальный, нормативный, ценностный и прочий характер. Следование ограничениям обеспечивает легальность и легитимность действиям властных групп. Вместе с тем элиты могут действовать вопреки ограничениям, пытаясь оправдать это целесообразностью и эффективностью. Основанием такой практики является относительная автономность элит. Одновременно в условиях кризиса элиты стремятся максимизировать свой потенциал за счет иных акторов, сужая их возможности в публичной сфере. Расширение такого рода деятельности может приводить к уменьшению роли демократических форм осуществления власти и возвышению авторитарных. При слабом развитии гражд-*

данского общества и низкой институционализации демократических форм авторитарные тенденции могут поддерживаться не только элитными группами, но и частью населения. Легитимация такой тенденции может осуществляться посредством дискурса нормализации и следования историческому пути.

Ключевые слова: элиты, абстрактные элиты, кризис, институты, консолидация, авторитаризм, ограничения элит, деполитизация.

ПРОБЛЕМА КРИЗИСА

В условиях кризиса элиты максимально проявляют свой статус, функционал и индивидуально-групповые качества. В этом отношении определение индонезийской элиты Гербертом Фейсом имеет общее значение для всех элит: «Более специфично мы определим элиту как те от 200 до 500 индивидов, большей частью проживающих в Джакарте, которые активно участвуют в принятии решений, приводящих к политическим кризисам или прекращающих их» [Feith 1962: 108]. Такая амбивалентность элит связана, конечно, с их центральной ролью в принятии решений и распоряжением ресурсами. Кризисы оказываются важным аспектом существования одновременно элит и общества. Здесь они связаны, кризис выступает для общества индикатором способности элит управлять и легитимности занимать главенствующее положение. Но иногда общество оказывается бессильным перед властными группами. Так, украинский социолог описывал ситуацию в стране: «В Украине же в последние годы именно центральные властные структуры провоцируют системные конфликты и своими действиями ведут к уничтожению государства» [Шульга 2011: 424]. Одновременно кризисы могут стать для элит мощным инструментом, перенаправляя внимание общества, снижая претензии, находя «нужных» козлов отпущения и т.п.

Кризис часто вообще не определяется в исследовательской литературе. Он существует как некоторый общепонятный термин. Или даже свойство человеческого мира: «Описание нынешнего мира — описание его кризиса, а описание кризиса мира — описание самого мира» [Осипов 2014: 167]. С другой стороны, достаточно часто кризис рассматривается как внутренняя рассогласованность социально-структурного элемента. Когда В. Парето пишет: «Министерские кризисы в Италии редко приводят к полной смене кабинета. Это, как правило, вопрос реорганизации, и оппозиция вчерашнего дня может стать частью Мини-

стерства, против которого она ранее выступала» [Pareto 1950: 30], имеется в виду именно такая «мелочь». (Часто именно в этом смысле используют этот термин.) И тот же автор в других текстах кризис рассматривает как нарушение равновесия (остатков или центростремительных и центробежных сил [Парето 2011b: 37–59]), приводящее к дисфункции управления и разрушению центральной власти. Помимо этого, «кризис является всего лишь частным случаем более общего закона ритма, господствующего над всеми социальными явлениями» [Парето 2018: 466]. «Кризис» включает некий континуум, становясь трудно фиксируемым (но это не касается экономического кризиса, который Парето подробно рассматривает: [Парето 2018: 465–473]), что способствует аналитическому произволу.

Между тем есть необходимость в более строгом и умопостигаемом понимании этого феномена. Не так много работ, анализирующих различные подходы и исследующих что это такое само по себе (см., напр.: [Протасеня 2014]). Большинство текстов посвящено экономическому кризису. Тем не менее существуют общие характеристики данного явления. В самом общем виде кризис можно определить как максимальную неопределенность существования социетальной (под)системы вследствие неадекватности прежних механизмов ее регулирования. При таком подходе политические акторы могут быть рассмотрены как часть проблемной социальной ситуации.

Кризис сопровождается разбалансировкой сразу нескольких структурных элементов общества. Это приводит к необходимости вмешательства регуляторов и проведения реформ. Надо заметить, что реформы не всегда вызваны кризисами (например, они могут быть вызваны политико-идеологической мотивированностью элит, давлением групп интересов). Нарушение нормального регулирования и управления приводит к тому, что кризисное управление вынуждено быть нерегулярным, т.е. управлением с нарушением, обходом, игнорированием регулярных процедур и норм. И это относится не только к управлению. С. Тэрроу и В.Л. Смит используют термин «исторический кризис», относя к нему время, в которое происходили такие события, как война, Соппротивление, освобождение от фашизма [Tarrow, Smith 1976]. Исследуя локальные элиты Италии и Франции, они исходят из ненормальности периода оккупации и фашизма. Политическое рекрутирование и политическая социализация в это время носят выбивающийся из обычного состояния характер, так же как и институциональное

ролевое поведение. В этом отношении послевоенная нормализация и нормальность противоположны кризисному времени.

С этим можно согласиться с одной оговоркой. Если периоды «выпадения» из рутинных практик были не очень велики и за это время не успели сформироваться и институционализироваться обновленные социальные порядки и новые практики, то мы можем говорить о ненормальности и о времени кризиса. Но так ли это в отношении действительно исторической длительности? Нормальность — характеристика системы, ее функционирования, а не идейно-политических систем и оснований власти. И в значительной степени она создается социальным временем. Им же она изживается. Кроме того, противоречия в функционировании встречаются довольно часто в разных социально-политических системах. Среди оценок, например, советского периода часто можно встретить суждения, продиктованные политическими предпочтениями. Выстраиваются вроде научные конструкции, «доказывающие» ненормальность российского прошлого. Впрочем, в отношении существующего сейчас политического режима также много оценочных высказываний. Идеологическое суждение необходимо отделять от научного, иначе неприятие исследователем тех или иных политических режимов и элитных персон превратится в пропаганду «единственно правильного пути». Помимо этого, кризисность и ненормальность далеко не всегда могут быть синонимами.

ИСТОКИ КРИЗИСА

Причины неадекватности прежних механизмов и соответственно кризисов в управлении достаточно разнообразны. Наиболее серьезные связаны с разрушением государственности, как это произошло в Германия в результате военного поражения в 1945 г. Другой близкий нам пример — дезинтеграция СССР в 1991 г. Одновременно происходит устранение прежней элиты как основного элемента государства. Она институционально упраздняется и ставится вопрос о ее замене или серьезном реформатировании. Другой причиной могут стать государственные перевороты. В России — в 1991 и 1993 гг.

По силе воздействия и возможным причинам война является мощным фактором дестабилизации общества и власти. П.Л. Карабущенко заметил: «Война — это среда существования политических элит» [Карабущенко 2015: 335]. Именно они принимают главную ответственность

на себя, они принимают конечные решения, т.е. выступают как суверен. Однако в этой среде они подвергаются значительной опасности — не на поле боя, а в тылу. Ресурсные затраты могут оказаться слишком большими. Даже в случае победы население может не оценить усилий властных персон. Экономические проблемы оказываются существеннее. Например, поражение на послевоенных выборах в Великобритании 5 июля 1945 г. консерваторов во главе с У. Черчиллем.

Война Франции в Алжире привела к политическому кризису, возвращению де Голля во власть и концу IV Республики. Психологический надлом в части французского общества эмоционально описывал Доминик Веннер: «[К]онец войны в Алжире означал выход Франции из истории — истории, закалявшей ее духовно как нацию и придававшей ей судьбу, а также, возможно, и неопределенность. С окончанием этой маленькой войны, воспринятой французами как конец всех войн, страна была отдана во власть исключительно перспективам рыночной экономики, царству денег, массовым развлечениям и потреблению как своей единственной судьбе. Старая страна военной традиции оказалась в ментальном мире, лишенном горизонта конфликта — горизонта, который с самой отдаленной древности был ее достоянием, как и достоянием всей Европы» [Веннер 2017: 39–40]. Далеко не все элитные персоны в таких ситуациях могут действовать адекватно. Кроме того, новые обстоятельства требуют иных качеств и навыков властных групп. Некоторое, а иногда и существенное обновление элитного сообщества в данном случае естественно.

Международная напряженность часто свидетельствует о сбое механизмов урегулирования конфликтов и согласования интересов. Часто это связано в том числе с нарушением баланса сил или его угрозой. Российский ультиматум Североатлантическому блоку 15 декабря 2021 г. и последующая специальная военная операция с 24 февраля 2022 г. как раз подпадают под эту рубрику. Собственно, международный кризис не возник именно в этот временной период. Он достаточно долго вызревал и обострялся. Здесь существенно, что российские элиты сделать в дипломатическом поле ничего не могли, кроме как наблюдать активность НАТО. А западные «партнеры» очевидно рассчитывали на собственный выигрыш, поэтому и не были готовы конструктивно обсуждать *взаимные* гарантии безопасности. В этих условиях скатывание к вооруженной конфронтации почти фатально. В острой же фазе кризиса все стороны конфликта малоспособны его урегулировать.

Неопределенность максимально возрастает. Условием разрешения конфликта является только истощение ресурсов у всех или у одной из сторон.

Существенна неадекватность законов и иных норм существующим обстоятельствам, они устаревают, оказываются нерелевантными в новой ситуации, в законодательстве могут быть лакуны. Т. Веблен отмечал особенность действующих институтов: «Институты — это результат процессов, происходивших в прошлом, они приспособлены к обстоятельствам прошлого и, следовательно, не находятся в полном согласии с требованиями настоящего времени» [Веблен 1984: 202].

Состояние элиты также может привести к кризису. В. Парето писал о социально-психологических характеристиках элиты (остатки / чувства), способствующих или разрушающе действующих на эффективность управления обществом. Г. Моска также указывал (другими словами) на этот фактор. Помимо этого, важное значение могут иметь структурные характеристики элиты. Р.Ф. Латыпов и К.Т. Тимашева указывают на поколенческий переход как триггер политического кризиса. Как пишут авторы, «естественная демографическая ротация поколений элиты приводит к кризису, который проявляется в форме идеологических и групповых конфликтов, военных переворотов, репрессий, выступлений несистемной оппозиции и даже разрушения существующей политической системы» [Латыпов, Тимашева 2016: 74]. В каждой стране, по представлениям авторов, свой временной цикл. Если Артур Шлезингер предлагал для США 30-летний цикл (хотя основания цикличности у этого автора иные), то Латыпов и Тимашева полагают, что в России он равен 42 годам («11 лет борьбы за власть, 20 лет стабилизации и 11 лет борьбы за удержание власти») [Латыпов, Тимашева 2016: 77]. Очередной кризис ротации элит должен был начаться, по мысли исследователей, в 2017–2018 гг. Российская история дает основания предложенной гипотезе. Авторы правы, что властные персоны не вечны и что различные поколения сменяют друг друга, а в элитной среде это не всегда происходит без потрясений.

Помимо демографического изменения во власти, исследователи отмечают сугубо элитные трансформации. Вильгельм Гуттсман обращает внимание на политические поколения: «Политики делятся на группы, которые разделяются не только по принадлежности к партиям и программам, но и по периоду, в течение которого они стали членами парламента, и по событиям, побудившим их сформировать политические

взгляды. Особо ожесточенные межпартийные конфликты, внушительные электоральные победы и поражения и события, решающим образом влияющие на жизнь общества, такие как войны, накладывают свой отпечаток на определенные группы людей и превращают их в политическое поколение» [Guttman 1963: 76]. В качестве примера он приводит смерть премьер-министра Генри Палмерстона и с ним уход целой эпохи и приход через три года Уильяма Гладстона и новых политиков. Для политического процесса смена политических поколений действительно может быть критической, приводящей к кризису. Собственно, за демографическим переходом Латыпова и Тимашевой скрывается именно эта проблема.

Серьезным испытанием для управленческих усилий элит могут быть экономические кризисы, особенно имеющие глобальный характер. Большинство исследовательских текстов посвящено именно этой проблеме. Здесь важно отметить возникающее у элит чувство страха, толкающее их на важные коллективные действия по преодолению кризиса [Бест 2014: 94–95].

Чрезвычайные ситуации, катастрофы, эпидемии относятся к мало предвидимым в своей временной и пространственной конкретности случаям. Тем не менее они достаточно распространены. Готовность властных групп к ним теоретически должна быть высокой, тем более что в современном мире во многих государствах существуют специальные службы, в чьих компетенциях находится предотвращение и борьба с такими напастями. Однако при масштабности этих ситуаций они могут привести к общественному кризису и кризису управления. Случай COVID-19 достаточно показателен.

Причиной кризиса может быть делигитимация властных групп, властных институтов и политического курса. Потеря доверия к властным группам со стороны основной части населения (социальных групп) в малых дозах в демократических системах обычно приводит к смене в результате выборов элитной группы, непосредственно связанной с законодательством и управлением и идентифицируемой обществом с субъектами ответственности. При этом, как правило, основная часть властной элиты сохраняет свое место в социальной иерархии и привилегированный доступ к общественным ресурсам. Вместе с тем, несмотря на всю отлаженность механизмов публичной ответственности и разрешения проблемы, ситуация может усугубляться, кризис углубляться.

Следствия кризиса во многом зависят от его характера, охвата общественных секторов. Обычно происходит частичная или полная социальная аномия, деформация или разрушение социально-структурных отношений, включая сложившиеся формы и каналы социальной мобильности и взаимоотношений социальных групп, дестабилизация институтов управления, нарушение доступа населения к общественным ресурсам. Глубокий кризис может привести к рассогласованию внутриэлитных отношений и нарушению прежних механизмов рекрутирования и воспроизводства элит. Ральф Дарендорф, описывая немецкие элиты спустя 20 лет после поражения Германии во Второй мировой войне, отмечал их внутреннюю рассогласованность, культурную и социальную разнородность. Он назвал такие элиты абстрактными, которые номинально, позиционно таковыми являются, но реально не обладают необходимыми солидарными характеристиками социальной группы [Dahrendorf 1969: 219, 264]. В данном случае совпадают по крайней мере две неопределенности, связанные с неинституционализированностью политико-административных элит и неинституционализированностью социетального порядка.

ЭЛИТЫ КАК СУБЪЕКТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ

При обычном функционировании систем и институтов субъектами регулирования выступают элиты и субэлиты, институты управления и бюрократия. Последние два регулятора в условиях кризиса оказываются малопригодными вследствие их «завязанности» на существующих нормах, которые оказываются не вполне адекватными ситуации. Элиты в этом отношении могут проявлять большую гибкость, хотя и используют в своей деятельности различного рода институты.

Вместе с тем элиты при всей их кажущейся определенности полагаются исследователями по-разному. Более того, они сами проявляются различными способами. Аналитически элиты в социальном регулировании могут быть рассмотрены в двух «ипостасях» — как институты и как функциональные группы (табл.1). Это не значит, что исследователи или эксперты только таким образом видят властные группы. Для данных рассуждений предложенная классификация представляется наиболее релевантной.

При анализе элиты как института или институциональной природы элиты она выступает инстанцией, регулирующей и поддерживающей

Таблица 1

Элиты в социальном регулировании

Элита как	Функция / роль	Ресурсы / средства	Социальные процессы
Институт	Стабилизация общества в целом и его подсистем; институционализация	Государство и иные институты господства	(Вос)производство институциональных порядков
Функциональная группа	Регулирование, контроль, структурирование, распределение ресурсов	Командные / ключевые позиции в политико-административных институтах; монополия на легальное институциональное насилие	Воспроизводство функционирования общества и государства

институциональные порядки. С этим связана институционализация и элиты, и порядков. Отличие от просто начальников в том, что здесь элита представляет собой определенную структурированную совокупность персон, институциональных структур, норм, находящуюся на вершине институциональных порядков, частью которых она является (см.: [Gerth, Mills 1964]). Существует некоторый парадокс: элита должна институционально быть в рамках института поддержания порядка (государства). Сам этот институт «одушевляется» элитой. Когда мы говорим, что государство что-то сделало, мы имеем в виду, что политико-административная элита этого государства приняла решения и исполнительные органы совершили действие. Но здесь не простой инструментализм государства. Важно замечание Карла Шмитта о том, что элиты создают авторитет и легитимность [Шмитт 2013: 233]. Это в том числе то, что поддерживает устойчивость и воспроизводимость институциональных порядков. Наблюдение Эрнста Юнгера в июне 1940 г. оказывается весьма релевантным: «[Е]сть ситуации, в которых простое наличие какой-нибудь авторитетной силы действует исцеляюще; благодаря одному ее присутствию разрывы, из которых вытекает слепая стихия, стягиваются. Это те мгновения, когда таинство, присущее всякой должности, становится зримым как таковое» [Юнгер 2022: 210]. Власть над институтом или простое обладание им создает институ-

циональный образ групп и индивидов, они рассматриваются публикой как институт.

Чаще всего элиты анализируются как часть социетальной системы взаимодействия по поводу контроля и распоряжения общественными ресурсами. Элита в этом случае рассматривается как социальная группа, контролирующая ресурсы и принимающая решения по их использованию как в своих групповых интересах, так и в интересах всего общества или его части. Члены такой группы действуют зачастую единолично. Но групповое единство вкупе с групповым контролем над ресурсами оказывается определяющим. В этом отношении три «С» Дж. Мейсея (сознание, согласованность, сговорность) [Meisel 1962] вполне могут характеризовать это социальное образование.

Общество и аналитики часто предлагают некоторый «идеальный» образ элит, фиксирующий определенные характеристики властных групп, качества, которыми они должны обладать. Каждая характеристика может быть очень проблематичной в реальных условиях. Эти требования связаны как с состоянием самой элиты и выхода ее из кризиса, так и с выходом общества из кризиса. Карл Шмитт называл три требования к элитам, связанных с поддержкой государства — стабильность, качество и кооптацию. Вместе с тем «решающее качество любой политической элиты — способность и готовность брать на себя риски политического» [Шмитт 2013: 233]. О качествах политико-административных элит, необходимых для преодоления кризиса, пишет Х. Бест: «Элиты играют ключевую роль, тем более когда речь идет о государственном и частном финансовых секторах, где решающими факторами являются моральные качества, знание отрасли, взаимное доверие и неформальные контакты. Неудачи и успехи различных стран и институтов в борьбе с кризисом в большой степени можно связать именно с поведением элит» [Бест 2014: 72].

Отсюда можно предложить два аспекта проблемы: активность элит и воздействие кризиса на элиты. Первое связано с возможностью и готовностью властных групп действовать. И здесь встает важный вопрос: а могут ли нынешние (в отношении кризиса) элиты совладать с возникшими проблемами? Ответ частично зависит от того, насколько изменилось положение элит внутри системы — взаимоотношения с не-элитами, сохранение эффективного действия внутри политической системы.

Кризисы достаточно часто встречаются в жизни социумов. Можно даже сказать, что они постоянны, а иногда регулярны. Вместе с тем

они испытание для элит, которые, по существу, являются кризисными управляющими, которые должны быть готовы к кризисам. Но это далеко не всегда случается. В современном обществе, особенно демократическом, взаимодействие элит с гражданским обществом — существенный фактор их функционирования и легитимации. Поскольку общественность стремится быть значимым актором политического процесса, данный контекст серьезно влияет на выбор властными группами стратегии и средств достижения цели. Урсула Хоффман-Ланге в связи с этим пишет: «[В]ремена активного участия граждан являются сложными периодами для элит в целом и для демократической политической элиты в частности. Основание их власти становится менее стабильным, а их карьеры более подвержены поражению на выборах. В связи с этим они скорее будут придерживаться краткосрочных стратегий для максимизации своих карьерных перспектив. Подобные тенденции ведут к росту волатильности и непоследовательности демократической политики в будущем» [Хоффман-Ланге 2016: 96–97]. Особенно это чувствительно для новых элит. Существует риск делегитимации на начальном этапе закрепления во власти. Тем более что сам кризис и обосновывает приход новой элиты, а также служит инструментом этой элиты в борьбе со старыми властителями и перехват ресурсов. В этом отношении Россия в 1990-е годы продемонстрировала лавирующую активность центральных российских элит. Необходимость поддержки активной части населения и части номенклатуры, стремившейся к контролю над ресурсами, диктовала специфическую политику — целенаправленное разрушение СССР, приватизацию ослабевшего государства, заигрывание с региональными элитами, поддержку демократических организаций и процедур. В межэлитном конфликте ельцинская элита одержала верх. Но сам кризисный путь к власти привел к возникновению нового социально-экономического и федералистского кризиса. Попытки сохранить демократические институты (и тем самым демократическую легитимность) и практики при спорадических диктаторских действиях (например, госпереворот 1993 г.) не были продуктивными. Переход в 2000-х годах к постепенно вводимым авторитарным методам управления частично решил проблему. Путь, предсказанный В. Парето (см., напр.: Парето 2011b: 61-62) и многократно пройденный в различных странах в разное время, для российских элит оказался *ultima ratio*, хотя они к этому были расположены и готовы.

Второй аспект — воздействие кризиса на элиты. Насколько кризис затронул внутреннее (структура, ценностные ориентации) состояние элит? Уже упоминавшиеся С. Тэрроу и В.Л. Смит затрагивают важную проблему — исторический и конкретно-политический контекст могут задавать характеристики персонам, идущим во власть. Помимо этого, сам выход из кризиса требует определенных характеристик и навыков. В классических текстах по элитам это показано. На лидерские места выдвигаются индивиды, соответствующие «требованиям момента». В условиях кризиса власти в Италии в 1921 г. В. Парето писал, что искусство власти состоит, во-первых, в следовании основным течениям, существующим в данной стране, во-вторых, в использовании существующих чувств и интересов [Парето 2011a: 143–144, 2011b: 63]. Именно это осваивается успешными элитами. Более точно — делает их элитами. «Деэлитизация» связана с не овладением «искусства власти». Кроме того, «побеждает группа, чьи вожди обладают комбинационным инстинктом, и чьи адепты глубоко прониклись идеальными чувствами. Поэтому Муссолини мог сказать, что его пастве присущ мистицизм подчинения» [Парето 2011c: 198]. Интересы, на которые ориентируются элиты (или контрэлиты) достаточно разнообразны. Парето имел в виду интересы значимых социальных групп. Однако не следует забывать о групповых и индивидуальных интересах внутри элитного сообщества.

Можно предположить, что существуют как минимум два базовых пути разрешения кризиса: «демократический» и «авторитарный». Первый включает различные социальные группы в обсуждение, выработку программ, реализацию политики. Второй основан на элитно-экспертном обсуждении, выработке политического курса и его реализации. Но при этом исключенные группы интересов и социальные группы стремятся принять участие в политическом процессе. Выбор элит между этими вариантами не произволен. Он зависит от традиции, политической системы и политического режима, а также от развитости гражданского общества.

Властные группы используют несколько видов механизмов регулирования. Содержательно это нормативное регулирование — законы, формальные и неформальные нормы, практики, международные обязательства; административное регулирование — деятельность административных институтов; идеологически-культурное регулирование — легитимация, традиции, обычаи, религия, «культурное строительство».

Причем нельзя утверждать, что какой-то из них наиважнейший или самый эффективный. Дело в контексте и в характере кризиса. Организационно самые сильные инструменты — чрезвычайное положение и диктатура. Последнее в большей степени имеет отношение к выходу из политического кризиса. Здесь необходимы пояснения в духе К. Шмитта, рассматривавшего диктатуру не в противоположность демократии [Шмитт 2000а: 176, 181], а как средство защиты и обеспечения действия конституции [Шмитт 2005: 9]. Он исходил из существенного различия: «Диктатура, которая не связана зависимостью от отвечающего нормативному представлению, но достигаемого в конкретных обстоятельствах успеха, которая, стало быть, не стремится к тому, чтобы сделаться излишней, есть произвол и деспотизм» [Шмитт 2005: 16]. В этом смысле диктатура представляет собой средство временного назначения. Однако опасность изменения цели и соблазн бесконтрольной власти существует. К тому же, время при длительности диктатуры и чрезвычайного положения способствует опривычиванию практик. Тем более, что как отмечается правоведами, «превращение института чрезвычайного положения в постоянно действующий фактор государственной политики очень часто встречается и в современных условиях. Причем он в равной степени присущ как авторитарным, так и либеральным и буржуазно-демократическим государственно-политическим режимам» [Сальников, Степашин, Янгол 2000: 20]. Часто проблема заключается в соразмерности применяемых чрезвычайных мер возникшему кризису. В международных стандартах прописаны ограничения введения и действия чрезвычайного положения, а также возможные ограничения прав и свобод [Молчаков 2018]. Однако зачастую практика жизни оказывается иной. Результаты режима чрезвычайного положения не всегда оказываются теми, которые прогнозируются властными элитами, использующими этот инструмент. Так, введение чрезвычайного положения в Индии в 1975-1977 гг. правительством Индиры Ганди в условиях политического кризиса привело к консолидации оппозиции и утрате власти правящей партией — Индийским национальным конгрессом.

ЗАДАЧИ ЭЛИТ В КРИЗИСЕ

Прежде всего элиты в кризисе снижают неопределенность. Максимально — они ее устраняют, создавая определенность путем стабили-

зации социальных институтов. Другими словами, элиты создают режим определенности. То есть такого состояния взаимодействия социальных агентов и институтов, когда они полагаются на предсказуемые действия своих контрагентов. Обычно это описывается понятием «институционализация» и «рутинизация». Элиты должны способствовать естественности, «заведенности» социальных действий в новых условиях. Но достижение этого состояния осуществляется посредством экстраординарной активности. Славой Жижек пишет: «Эксперты должны представить ситуацию во всей ее сложности, а Господин должен упростить ее до точки принятия решения. Такая фигура Господина особенно необходима в ситуациях глубокого кризиса. Задача Господина заключается в том, чтобы осуществить подлинное разделение — на тех, кто предпочитает тянуть резину при старых условиях, и тех, кто осознает, какие необходимы перемены» [Жижек 2021: 263]. Здесь существенно разделение труда в описании, оценке, анализе и действии в условиях кризиса, а также фиксация инстанции, принимающей решение.

Вместе с тем Жижек определяет важную внутриэлитную задачу — консолидация элитных групп через разделение, через лояльность новому курсу и определяющим его лицам. Здесь есть проблема. Часто выход из кризисной ситуации может быть не один. Или во всяком случае он не один в различной временной перспективе и в разных контекстах. И разные элитные и/или околоэлитные группы имеют различающиеся представления о возможности выхода из кризиса.

В качестве примера можно рассмотреть военное поражение Франции в 1940 г., сопровождавшееся кризисом правления и управления. Данный пример не является модельным, но на нем можно увидеть проблему дуальности выхода из кризиса. Значительная часть сегодняшней общественности и исследователей рассматривает подписание перемирия (которое часто называют капитуляцией) 22 июня 1940 г. как предательство. Это при том, что большая часть населения не была готова дальше сражаться и с облегчением и воодушевлением восприняла и радиовыступление маршала Филиппа Петена 17 июня «Надо прекратить борьбу», и само перемирие¹. 18 июня Шарль де Голль выступает в Лон-

¹ «Сообщение о прекращении огня распространилось мгновенно. Возникло радостное возбуждение. Горожане сидели на окнах или стояли у дверей и, улыбаясь, махали солдатам. А те ехали, напевая и играя на губных гармошках. Прекращение огня будто приободрило их, придало им уверенности. Мне

доне с призывом продолжать борьбу. Как пафосно пишет С. Жижек, «он заявил, что только он, а не режим Виши говорит от имени истинной Франции (истинной Франции как таковой, а не только от имени “большинства французов”¹). Его слова были решительно верны, даже если с “демократической” точки зрения не только не имели легитимности, но и явно противоречили мнению большинства французского народа» [Жижек 2021: 264]¹. Но вот слова французского крайнего националиста и антигерманиста, основателя «Французского действия» Шарля Морраса: «Для Маршала и допропорядочных французов июньское перемирие (1940 г.) было средством спасения, сохранения чести и будущего» [Моррас 2018: 66]. И это не единственный голос в защиту Петена и решения о перемирии (о столкновении точек зрения см.: [Бурлаков 2022: 121–147, 333–349]).

Кризис часто приводит (если он не является причиной) к расколу элит. Разные «осколки» и бывшие аутсайдеры стремятся консолидироваться, стремятся остаться или стать элитой. В конкретный момент кризиса историческое оправдание и выживание здесь и сейчас сливаются вместе. Де Голль, бросивший свой пост и фактически дезертировавший в военное время (за что был приговорен заочно к смертной казни), и оставшийся на своем посту Петен, которому предлагали уехать из Франции, но который заявил: «Правительство не эмигрирует

казалось, что они внезапно почувствовали себя так, будто им грехи отпустили. Герои, выполнившие свой долг до конца. В городке праздник. Бистро ярко освещены, двери широко распахнуты, алкоголь рекой и песни» [Бобковский 2021: 48–49]. Травмирующее действие Великой войны проявлялось в таком «пацифизме». В 1932 г. Шарль Де Голль писал: «Следствием невероятных испытаний, перенесенных в недавнем прошлом, стали упадок воли, ослабление характеров, падение морали, которые настраивают общественное мнение против военных» [Голль 2006: 55]. Облегчение и радость среди большей части французов в связи с тем, что удалось избежать европейской войны, было и после Мюнхенского соглашения 1938 г. (о результатах социологического опроса в это время см.: [Арон 2006: 72]). О пацифизме во Франции среди различных слоев населения см.: [Бурлаков 2022: 76–92].

¹ Этот пассаж хорошо иллюстрирует тезис о якобинском аргументе: «Теоретически, а в критические эпохи также и практически демократия бессильна перед якобинским аргументом, то есть перед решением отождествить меньшинство с народом и решением перенести понятие из области количественного в область качественного» [Шмитт 2000а: 180].

и не дезертирует: оно не имеет права покидать французскую территорию. Долг правительства — что бы ни случилось, оставаться в стране, иначе оно не сможет называться таковым» (цит. по: [Бурлаков 2022: 135]), персонифицируют разные элитные реакции на кризис и разные стратегии по выходу или смягчению его. Отсюда возникают специфические задачи консолидации элит и общества. В данном случае победители определяют основания консолидации, их ложность и истинность. Проигравшие уничтожаются или, в лучшем случае, удаляются из публичного пространства¹.

Консолидация элит возможна при некотором консенсусе в отношении определенных ценностей. Важно, что эти ценности должны быть когерентны ценностям основной части населения [Манн 2014: 111; Парето 2011а: 143–144; Field, Higley 1980], что связано с легитимностью режима и элит. И здесь мы подходим к важному различию. Базовые ценности, к которым относятся выживание здесь и сейчас, в конкретный момент могут абсолютно доминировать и быть основанием принятия решений и основой сплочения. Отсутствие иных ресурсов для продолжения борьбы, кроме как быть помехой и фактором осложнения действий противника, также выступает существенным рациональным основанием принятия негативного в других условиях решения².

Перемирие 1940 г. было не столько выходом из кризиса, сколько его замораживанием, отсрочкой выхода и разрешения. Формально кризис разрешился сохранением ограниченного суверенитета. Дальнейшее провозглашение Французского государства, заменившего Французскую республику, формирование правительства, сохранение полицейских и значительно усеченных вооруженных сил, принятие конституционных актов создавали видимость нормальности, на основании которой возможна консолидация элит и общества. Хаос сменился относительным порядком, субъектом установления которого выступало правительство

¹ Например, после победы «оранжевой революции» на Украине в 2004 г., как заявил президент В. Ющенко (победитель), было уволено 18 тысяч госслужащих [Шульга 2011: 46].

² «Эти бедные французы, которым так долго вдалбливали, что имеет значение только та их жизнь, только эта штука без всякой духовной подкладки, только аперитив и рыбная ловля — были вытолкнуты на передовую без самолетов, без танков, под защитой этой недостроенной линии Мажино» [Дриё ля Рошель 2000: 265].

Виши, действовавшее как суверен [Шмитт 2000b: 26]. Однако существовали внешние факторы — оккупация значительной части страны врагом, продолжающаяся мировая война, борющаяся антигитлеровская коалиция, формирование контрправительства (Французского комитета национального освобождения) за рубежом. Внутри не все французы приняли сложившийся статус-кво, началась партизанская война (хотя и не интенсивная). Да и сама элита нового государства не была едина (см., напр.: [Бурлаков 2020: 180; Дегрель 2018: 90; Моррас 2018: 66–68]). Последнее было существенным обстоятельством, препятствующим консолидации правящей группы.

Вместе с тем происходила постепенная консолидация контрэлиты (первоначально далеко не единой) по мере расширения действия союзников в Северной Африке и их успехов. Для этой части французских военных и политиков разрешение кризиса состояло в восстановлении довоенной государственности и значительном обновлении властной группы. И здесь важно, что эта сторона опиралась на представление, говоря словами Бертрана Матье, о «“публичном нематериальном порядке”, т.е. не о зафиксированном формальном публичном порядке, а о порядке, отсылающем к неким ценностям» [Матье 2020]. Попытка правительства Виши опереться на традиционные ценности (девиз государства на гербе — «Труд, Семья, Отечество») в конкуренции с патриотически-национальными не была очень успешной. Более актуальной оказалась идея полного суверенитета и освобождения, притом что она была поддержана победой союзников на фронте. Здесь также надо иметь в виду моральный аспект: «[М]ы раз и навсегда прекратим разговоры о нашем сотрудничестве с предателями, которые хотели видеть Францию униженной и поставленной на колени. Нет, не такая страна должна будет вскоре занять свое заслуженное место в ряду достойнейших наций» [Блок 1999: 212–213]. Из кризиса надо выходить с достоинством. Последнее, конечно, определяется победителями и становится одной из основ консолидирующего мифа. Мир в оккупации менее предпочтителен суверенному миру. В процессе борьбы за освобождение и в дальнейшем, конечно, пришлось внутренне упорядочивать элитное сообщество. Проблема его политической и идеологической гомогенности разрешилась через несколько лет. Послевоенный консенсус элит и общества, основанный на мифе Сопrotивления и Освобождения, подвергался серьезным испытаниям в дальнейшем ввиду серьезных кризисов и смены политических режимов. Но он устоял.

Можно предположить, что та часть французской элиты, которая устанавливала режим Виши и организовывала властные структуры и институты, в отведенное историей время консолидироваться вряд ли могла. Она могла существовать только как абстрактная элита [Dahrendorf 1969]¹. Тем более что ее самостоятельность была сильно ограничена со стороны немецкого военного командования и политического руководства. Кроме того, выход из кризиса предполагалось осуществить в рамках общего международного кризиса.

В России (СССР) серьезный кризис государственности и властных элит в 1990-х годах привел также к переформатированию государства с потерей значительных территорий, ставших самостоятельными политическими образованиями. Состояние элит длительное время оставалось неконсолидированным. Хотя надо отметить, что на региональном уровне в условиях серьезного межфракционного элитного конфликта и кризиса, вызванного госпереворотом в 1993 г., властные группы пытались стабилизировать положение и консолидироваться (см., напр.: [Дука, Чугунов 1998: 143; 1999: 194–195]). Однако спустя двадцать лет после смены власти в стране исследовательница отмечала: «[Н]и путинские реформы, ни медведевские новации, ни попытки укрепить властные институты не улучшают качества российских элит. Они остаются разобщенными, думающими о сиюминутных интересах, но самое главное — они не хотят или не могут справиться с теми задачами в обществе, которые диктуются им их элитной отнесенностью. Элита продолжает оставаться в России закрытой социальной группой, для которой внутриэлитные противостояния и сопровождающие это противостояние конфликты оказываются важнее, чем функции общественного управления» [Чирикова 2011: 59]. Следующее десятилетие немного улучшило внутриэлитную ситуацию. Но проблемы остались. Длительность процесса институционализации новых элит, даже если в их составе может оказаться много членов предыдущей властной групп, остается очень серьезным фактором.

¹ Еще в самом начале режима итальянский министр иностранных дел был достаточно скептичен. Г. Чиано 24 июня 1940 года записал в своем дневнике: «Я не хочу делать какого-либо предсказания, однако я не вполне уверен, что правительство Петэна в состоянии навязать свою волю, особенно имперским владениям и военно-морскому флоту» [Чиано 2010: 307].

Помимо консолидации собственных рядов перед властными элитами, стоит задача консолидировать общество горизонтально и вертикально. Сплочение в кризис необходимо в силу ограниченности ресурсов. Достигается это как манипулятивными практиками, так и вполне рациональными пропагандистскими действиями. Но часто объяснять и разъяснять мало. Пандемии в этом отношении демонстрируют пример необходимости применения организационных мер. Общество может быть принуждено к единодействию. Легитимация активности властей в этом направлении может встретить серьезные препятствия. Движение антиваксеров во время пандемии COVID-19 это демонстрирует. В политических кризисах консолидация еще больше затруднена.

Сам кризис создает ограничения по выходу из него. Во-первых, присутствует институциональный дефицит и институциональная неопределенность. Во-вторых, любая активность элит сталкивается с проблемой легитимации. Одним из оснований ее являются базовые ценности и нормы конкретного общества. Только ограничивая себя, ставя себя в рамки, ты легитимен, твои власть и деятельность правомерны. А в условиях прихода новых элит вследствие кризиса легитимация для них становится особой задачей. Существенно, что при принятии решений элиты основываются на тех же базовых ценностях, что и большинство населения, о чем выше уже говорилось. В-третьих, связанное с предыдущим, необходимы общественное мнение и опора на него при принятии решений. Например, В.В. Путин говорил, что при принятии решения о присоединении Крыма в 2014 г. проводились социологические исследования, показавшие, что большинство населения поддержит руководство даже при ухудшении отношений с другими странами [Стоун 2017: 236]. В-четвертых, дефицит ресурсов. В-пятых, дезинтеграция элит и элитные конфликты.

Ограничения могут снижаться в силу автономности элит — нормативной и деятельностной. Первое связано с тем, что институционализирующий институт (элиты) не только задает нормы обществу, но в процессе своей институционализации также формулирует свои. Более того, эти нормы могут расходиться с общими для социума. Но они создают важную демаркацию и идентификацию элит. Высшим группам позволено то, что простым смертным предосудительно или вовсе запрещено. Но при этом автономность должна признаваться низами. И она должна быть очевидна. Второй фактор предполагает относительную независимость элит при принятии решений и при практических шагах

по выходу из кризиса. Причем, как правило это признается не-элитами как данность. При этом не предполагается нарушение закона. Существующий нормативный люфт и ставшие почти традициями практики служат достаточным основанием для такого рода действий. В каждой стране при этом есть своеобразие.

НЕПРЕДВИДЕННЫЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Разрешение кризиса несет определенные риски и опасности для общества, которые могут не рассматриваться властными группами как таковые. Как выразился Хайнрих Бест, «элиты ведут себя как ученик чародея: нередко они не в состоянии контролировать результаты приложения своих сил. У элит нет генерального плана действий; они стараются справиться с разнообразными и неожиданными для них аспектами кризиса по мере их появления» [Бест 2014: 72]. Исследователь имел в виду экономический кризис 2008 г. Но представляется, что действие в ситуации отсутствия плана во время кризиса является типичным. Тем более что любые действия по разрешению кризиса меняют его контекст, актора и сам кризис. Оценка ситуации — нетривиальная задача. Как пишет К. Шмитт, во внутригерманском политическом кризисе 1933 г. «правительство капитулировало перед лицом ложного понятия легальности». А угроза роспуска Рейхстага вкупе с продолжением кризиса толкало к катастрофическим в последующем шагам — «назначение Гитлера рейхсканцлером должно было казаться настоящим выходом из кризиса» [Шмитт 2016: 278] (также см., напр.: [Винклер 2013: 746–747; Дорпален 2008: 440–441; Эванс 2011: 372–373]). Такого рода недалководность — нередкое явление. Это можно наблюдать и в отношении решений отечественных элит. Помимо этого, властные группы редко просчитывают весь набор возможных результатов. А некоторые побочные эффекты вполне удовлетворяют элиты.

Прежде всего надо отметить доминирование элит и государства. В определенном смысле это вполне естественное положение, так как именно эти субъекты регулирования выступают основными агентами разрешения кризиса и определения направления оптимального развития. Тем более что существует, как отмечает К. Шмитт, простая презумпция легальности любого проявления государственной власти. И здесь существует ловушка: «[Н]и одна легальная государственная власть не может отказаться от этой презумпции» [Шмитт 2013: 250].

Искушение властью, тем более «основанной на личном усмотрении, презумпции легальности и немедленном исполнении — основной премии за обладание легальной властью — раскрывается при использовании чрезвычайных полномочий чрезвычайного положения, когда устраняется любая мысль о равенстве шансов» [Шмитт 2013: 252]. То есть происходит уменьшение роли граждан и гражданского общества в определении политической повестки.

В этом же духе рассуждает Дж. Агамбен в связи с действиями итальянского государства во время пандемии COVID-19: «[И]спользование чрезвычайного положения как уловки и невозможность управления иначе, чем через него, — одно и то же. Суверен, действуя абсолютно произвольно, в то же время вынужден непрестанно принимать решение о чрезвычайном положении, которое в конечном счете определяет его природу» [Агамбен 2022: 106]. Страх перед возможным произволом, ставшим легальным и легитимным, демонстрирует не столько «параноидальность» психики исследователя, сколько объективные основания дедемократизации.

Кризис раскрывает институциональные резервы авторитарно ориентированных элит. То, что раньше казалось нарушением и делалось прикровенно, может делаться откровенно и гласно. Например, использование (манипулирование) права и судебных решений в политических целях. Происходит непосредственная политизация права. Комментируя условно-досрочное освобождение из заключения бывшего министра экономического развития России А. Улюкаева, Сергей Марков отметил: «Сейчас происходит консолидация элит в условиях противостояния с Западом. В этих условиях мелкие наказания снимаются. То, что случилось, — жест доброй воли не столько по отношению к Улюкаеву, сколько к тем людям, которые за него просили. Системные либералы — такие, как Кудрин или Набиуллина, все эти годы так или иначе поддерживали товарища. И их сейчас уважили» [Соколов 2022]. Выше говорилось о задаче по консолидации элит. Этот пример показывает инструментальную сторону реализации этой задачи. Проблема заключается в границах возможного манипулирования. При малоактивном или расколотом гражданском обществе грань легко преодолима, а соблазн собственной неограниченной власти усиливается.

Диспропорция между разными акторами в ресурсах и доступе к легальным действиям в условиях кризиса и чрезвычайной ситуации потенциально чревата подрывом демократии и парламентаризма. Ранее

говорилось о действии разделения, совершаемом властной группой в отношении элиты и публики, на тех, кто готов к антикризисной политике, предлагаемой властью, и оппонентов (они же конкуренты). Политико-правовое содержание этого действия заключается в лишении или снижении ресурсного обеспечения последних. Крайней формой здесь выступает упразднение их легальности. Шмитт точно формулирует проблему, когда пишет, что «все привязано к принципу равных шансов достижения власти внутривластным путем. Если этот принцип упраздняется, то парламентское законодательное государство упраздняет само себя, свою справедливость и легальность» [Шмитт 2013: 250]. Возможна только поддержка в публичном пространстве. Конкуренция не приветствуется. И тогда можно будет говорить о решительном изменении политического режима. Тот же автор в условиях кризиса в 1932 г. дает характеристику Веймарской республики: «Ведь выборы стали плебисцитарным процессом. Они уже давно не являются отбором в смысле выдвижения и продвижения элиты и обоснования независимой репрезентации» [Шмитт 2013: 299]. Описанное состояние государства возникает не одномоментно. Кризис и реакция населения и элит на него длительны. Отсюда и известный результат. Надо заметить, что описанное исключение оппонентов из политического процесса часто происходит и в рамках демократического процесса. Да и шансы могут быть достаточно изменчивыми. В отношении Соединенных Штатов Джозеф Шлезингер отмечал: «Структура возможностей определенно не зафиксирована. Войны и изменяющиеся экономические основания имеют свои заметные воздействия на политические шансы» [Schlesinger 1966: 19]. Кризисы усиливают существующие тенденции.

Одним из положительных результатов преодоления кризиса является выход из состояния «абстрактности» элит (в смысле Дарендорфа). Вместе с тем это может вести к бюрократизации элит (особенно политических) и технократии, следствием чего является деполитизация политического пространства. Ситуация в постперестроечной России это отчетливо демонстрирует.

В связи с этим возникает возвратная нормализация. В отношении России это можно предложить в качестве гипотезы. То, что может рассматриваться населением и наблюдателями как опасность для определенных форм социально-политического пространства (например, демократических, как бы это ни понималось) для элит является целью трансформации политического порядка. Нормализация здесь — воз-

вращение к знакомым и удобным формам властвования. Кризис в таком понимании возникает в связи с появлением несвойственных для данных элитных групп условий существования. Разрешение его — возврат к устойчивым в прошлом формам. Здесь заложено и основание поддержки части населения такой трансформации, тем более что легитимация может осуществляться посредством апелляции к историческому прошлому, традициям и эффективности.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Элиты — центральный актер по разрешению кризисов (и их провоцированию). Выбор мер реагирования во многом зависит от характера кризиса и качественных характеристик элит.

Кроме того, кризису подвержены не только социальные системы и общество в целом, но и элиты. Их состояние, внутренняя структура, возможности функционировать, ценностные ориентации в процессе разворачивания кризиса могут существенно меняться. Отсюда и первоначальные задачи могут модифицироваться. Фактически речь идет о том, что в начале кризиса и в его конце во главе общества могут стоять разные акторы, хотя персоны могут быть одни и те же.

В условиях кризиса элиты решают вопрос внутреннего разделения — на сторонников курса по выходу из кризиса предложенными способами и методами и на оппонентов. Этот процесс может быть достаточно конфликтным и болезненным для несогласных. Надо заметить, что иногда существует несколько вариантов выхода из кризиса, кардинально различающихся. Выделить какую-нибудь доминирующую группу (контр)элит бывает достаточно сложно. Такая ситуация может привести к внутриэлитному конфликту, а также к конфликту между различными частями общества. Ресурсное обеспечение и легитимность группы и действий здесь могут быть кардинальными в реализации конкурирующих проектов.

При длительности кризиса, его рутинизации происходит институционализация новых форм властвования и структурирования общества. «Ненормальность» ситуации трансформируется в состояние общепринятости. Кризис «снимается». Во всяком случае в том виде, в котором он существовал.

Для элит существуют ограничения в их деятельности, связанные с состоянием общества (включая властные группы), его историей, куль-

турой, нормами, системой ценностей и ресурсами. Ориентация на эти ограничения влияет на легитимность доминирующих групп и их политику, а также на легальность деятельности. Вместе с тем зачастую элиты идут на нарушения ограничений во имя «эффективности» деятельности и решения задач «оптимизации» внутриэлитных отношений. Относительная автономность элит и наличие внутрigrупповых норм облегчает такого рода практики. Помимо этого, существенным оказывается исторический опыт общества и сложившиеся практики во взаимоотношениях элит и не-элит.

Роль элит в процессе выхода из кризиса амбивалентная. Наряду с устранением причин и факторов кризисов, они, создавая условия для своей эффективной деятельности, одновременно снижают антикризисный, а тем самым и политический потенциал иных возможных акторов. При развитии и расширении такой политики возможно изменение политического режима в сторону усиления авторитарных способов осуществления власти, снижение политической конкурентности и отстранение оппонентов от политического процесса. Фактически речь идет о деполитизации публичной сферы.

Такого рода развитие событий следует отличать от «возвращения к нормальности», возникающего в обществах, где в силу недолгого времени наличия демократических институтов их институционализация оказывается неполной. Эффективность централизованных практик властных групп при их значительной автономии от слабого гражданского общества в условиях кризиса воспринимается многими политическими акторами и частью общества как позитивное явление, соответствующее историческому пути.

Литература

- Агамбен Дж. Куда мы пришли? Эпидемия как политика / пер. с итал. В. Данилова. М.: Ноократия, 2022. 144 с.
- Арон Р. Пристрастный зритель / пер. с фр. под ред. Б. М. Скуратова. М.: Проксис, 2006. 416 с.
- Бест Х. «Европа» — меньшее из зол? Границы путей выхода из безграничного кризиса с точки зрения элит // Власть и элиты. Т. 1 / под ред. А.В. Дуки. СПб.: Интерсоцис, 2014. С. 70–95. EDN: XIEMRP.
- Блок М. Странное поражение: свидетельство, записанное в 1940 г. / пер. с фр. Е.В. Морозовой. М.: РОССПЭН, 1999. 287 с.
- Бобковский А. Наброски пером (Франция 1940–1944) / пер. с пол. И. Киселёвой. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха, 2021. 740 с.

Бурлаков А.Н. Петэн. Последний великий француз. СПб.: Владимир Даль, 2022. 383 с.

Веблен Т. Теория праздного класса. М.: Прогресс, 1984. 367 с.

Веннер Д. Самурай Запада. Настольная книга непокоренных / пер. с фр. О. Молотов. М.: Тотенбург, 2017. 236 с.

Винклер Г.А. Веймар, 1918–1933: история первой немецкой демократии / пер. с нем. Е. Земсковой, А. И. Савина. М.: РОССПЭН, 2013. 878 с.

Голль Ш. де. На острие шпаги / пер. с фр. О. Дубицкой. М.: Европа, 2006. 240 с.

Дегрель Л. Воспоминания и размышления // Дегрель Л. Вторая мировая война. Взгляд европейца. 3-е изд., испр. и доп. М.: Тотенбург, 2018. С. 5–204.

Дорпален А. Германия на заре фашизма / пер. с англ. Л. А. Игоревского. М.: Центрполиграф, 2008. 479 с.

Дриё ла Рошель П. Дневник 1939–1945 / пер. с фр. под ред. С.Л. Фокина. СПб.: Владимир Даль; Ювента, 2000. 602 с.

Дука А.В., Чугунов А.В. Городская элита в контексте конституционного кризиса (контент-анализ городских газет, 1993 г.) // Социальные и политические ориентации Санкт-Петербургской элиты: материалы междунар. симпозиума. Санкт-Петербург, 25–26 июня 1997 г. / под общ. ред. С.А. Кугеля. СПб.: Изд-во СПбГУЭФ, 1998. С. 129–145.

Дука А., Чугунов А. Конституционный кризис и консолидация элиты Санкт-Петербурга // Трансформация российских региональных элит в сравнительной перспективе: материалы междунар. семинара (Тверь, 20–22 февраля 1998 г.) / под ред. А. Мельвиля. М.: Моск. обществ. научн. фонд, Изд. Центр научных и учебных программ, 1999. С. 186–196.

Жижек С. Неприятности в Раю. От конца истории к концу капитализма / пер. с англ. М. Леоновича. Екатеринбург: Гонзо, 2021. 320 с.

Карабущенко П.Л. Элита и война: фальсификация побед и поражений // Каспийский регион: политика, экономика, культура. 2015. № 4 (45). С. 334–339. EDN: VEEWCB.

Латыпов Р.Ф., Тимашева К.Т. Циклы ротации правящей элиты как фактор кризисов политической системы России // Власть. 2016. № 12. С. 73–78. EDN: XIQZGL.

Манн М. Власть в XXI столетии: беседы с Джоном А. Холлом / пер. с англ. К. Бандуровского. М.: ВШЭ, 2014. 204 с.

Матье Б. Кризис ценностей, кризис демократии // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения. 2020. № 1 (80). С. 7–9. EDN: ЕКТВВФ.

Молчаков Н.Ю. Международно-правовые стандарты ограничения прав и свобод в условиях чрезвычайного положения // Международный правовой курсер. 2018. № 5 (29). С. 49–53. EDN: VCWGXP.

Моррас Ш. О франко-германском сотрудничестве и правительстве Виши // Моррас Ш. Фрагменты. Об Англии, Германии, Франции и монархии / пер. с фр. А.М. Иванова. М.: Тотенбург, 2018. С. 66–94.

Осипов Ю.М. Кризис мира и мир кризиса // Философия хозяйства. 2014. № 5 (95). С. 167–178. EDN: TENXSH.

Парето В. Два государственных деятеля // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011а. С. 142–151.

Парето В. Трансформация демократии // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011б. С. 23–94.

Парето В. Учебник политической экономии. 2-е изд. М.: РИОР; ИНФРА-М, 2018. 591 с.

Парето В. Феномен фашизма // Парето В. Трансформация демократии / пер. с итал. М. Юсима. М.: Территория будущего, 2011с. С. 196–200.

Протасеня Ю.Е. Теоретические основы понятия «кризис» // Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета. 2014. № 1. С. 127–130. EDN: SCLRHT.

Сальников В.П., Степашин С.В., Янгол Н.Г. Правовой институт чрезвычайного положения: понятие и сущность // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. 2000. № 2 (6). С. 19–28. EDN: CRXXLE.

Стоун О. Интервью с Владимиром Путиным / пер. с англ. В. Ионов. М.: Альпина Паблишер, 2017. 350 с.

Хоффманн-Ланге У. Граждане и элиты во времена экономического кризиса и общественных волнений // Власть и элиты. Т. 1 / под ред. А.В. Дуки. СПб.:Интерсоцис, 2014. С. 96–136. EDN: XIEMRZ.

Чиано Г. Дневник фашиста, 1939–1943. XVII–XXI Е. Ф. М.: Плацъ, 2010. 672 с.

Чурикова А.Е. Власть, элиты и кризис: стратегии политического поведения // Мировой кризис и политические изменения. Политическая наука: ежегодник 2010. М.: РОССПЭН, 2011. С. 43–59.

Шмитт К. Диктатура: от истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы / пер. с нем. Ю.Ю. Коринца. СПб.: Наука, 2005. 326 с.

Шмитт К. Духовно-историческое положение парламентаризма // Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000а. С. 155–256.

Шмитт К. Легальность и легитимность // Шмитт К. Государство: право и политика / пер. с нем. и вступ. ст. О.В. Кильдюшова. М.: Территория будущего, 2013. С. 221–305.

Шмитт К. Легальность и легитимность (послесловие к изданию 1958 г.) // Шмитт К. Понятие политического / пер. с нем. под ред А.Ф. Филиппова. СПб.: Наука, 2016. С. 270–279.

Шмитт К. Политическая теология. Четыре главы к учению о суверенитете // Шмитт К. Политическая теология / пер. с нем. М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000б. С. 7–98.

Шульга Н.А. Дрейф на обочину: Двадцать лет общественных изменений в Украине. Киев: Бізнесполіграф, 2011. 448 с.

Эванс Р.Дж. Третий рейх. Зарождение империи, 1920–1933 / пер. с англ. Б. Кобрицова. Екатеринбург: У-Фактория; М.: Астрель, 2010. 640 с.

Юнгер Э. Сады и дороги / пер. с нем. Е. Воропаев. 2-е изд. М.: Ад Маргинем Пресс, 2022. 364 с.

Dahrendorf R. Society and Democracy in Germany. Garden City; New York: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi+457 p.

Feith H. The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia. Ithaca; New York: Cornell Univ. Press, 1962. xx+618 p.

Field G.L., Higley J. Elitism. London; Boston: Routledge; Kegan Paul, 1980. xi+135 p.

Gerth H.H., Mills C.W. The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions. New York: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964. xxi+490 p.

Guttsman W.L. The British Political Elite. London: MacGibbon and Kee, 1963. 398 p.

Meisel J.H. The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the “Elite”. With the first English translation of the final version of “The Ruling Class”. Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1962. viii+432 p.

Pareto V. The Parliamentary Regime in Italy // Pareto V. The ruling class in Italy before 1900. New York: Vanni, 1950. P. 11–82.

Schlesinger J.A. Ambition and Politics: Political careers in the United States. Chicago: Rand McNally and Co., 1966. xv+226 p.

Tarrow S., Smith V.L. Crisis Recruitment and the Political Involvement of Local Elites: Some Evidence from Italy and France // Elite Recruitment in Democratic Politics: Comparative Studies across Nations / ed. by H. Eulau, M.M. Czudnowski. Beverly Hills: Sage; New York: distributed by Hasted Press, 1976. P. 205–237.

Источники

Соколов Д. «Его опыт сейчас необходим». Почему Улюкаев выходит на свободу? // Аргументы и факты. 30.04.2022. URL: https://aif.ru/politics/russia/ego_opyt_seychas_neobhodim_pochemu_ulyukaev_vyehodit_na_svbodu (дата обращения: 30.04.2022.)

ELITES IN A CRISIS SOCIETY

A. Duka

(alexander-duka@yandex.ru)

Sociological Institute of the Russian Academy of Sciences — a branch
of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology
of the Russian Academy of Sciences, St.-Petersburg, Russia

Citation: Duka A. Elity v krizisnom obshchestve [Elites in a crisis society]. *Vlast'i elity* [Power and Elites], 2022, 9 (1): 5–36. (in Russian)

DOI: <https://doi.org/10.31119/pe.2022.9.1.1>

Abstract. *The article analyzes the actions of political and administrative elites in a crisis. A crisis is defined as the maximum uncertainty of the existence of a societal (sub)system due to the inadequacy of the previous mechanisms for its regulation. Elites are seen as a dynamic part of the crisis situation. The implementation of anti-crisis policy also implies an internal division in relation to the measures taken by the dominant elite group — into supporters and opponents. The very response to the crisis depends on its nature and the capabilities of elite groups. A way out of a crisis situation may involve more than one option. Competition within the elite community, apart from programs, is based on attracting resources and securing legitimation. There are restrictions on the activities of the elites. They are of a societal, normative, value and other nature. Following the restrictions provides legality and legitimacy to the actions of power groups. At the same time, elites can act in defiance of restrictions, trying to justify this with expediency and efficiency. The basis of this practice is the relative autonomy of the elites. At the same time, in a crisis, the elites seek to maximize their potential at the expense of other actors, narrowing their opportunities in the public sphere. The expansion of this kind of activity can lead to a decrease in the role of democratic forms of exercising power and the rise of authoritarian ones. The weak development of civil society and the low institutionalization of democratic forms provoke support for authoritarian tendencies not only by elite groups, but also by part of the population. The legitimization of such a trend can be carried out through the discourse of normalization and following the historical path.*

Keywords: *elites, abstract elites, crisis, institutions, consolidation, authoritarianism, restrictions on elite activity, depoliticization.*

References

- Agamben G. *Kuda my prishli? Epidemiya kak politika* [A che punto siamo? Lepidemia come politica]. Moscow: Nookratia, 2022. 144 p. (In Russian)
- Aron R. *Pristrastnyy zritel'* [Le Spectateur engagé]. Moscow: Praksis, 2006. 416 p. (In Russian)

Best H. «Yevropa» — men'sheye iz zol? Granitsy putey vykhoda iz bezgranichnogo krizisa s tochki zreniya elit [Is 'Europe' the Lesser Evil? Limits of Elite Crisis: Resolution in a Limitless Crisis)], *Vlast' i jelity* [Power and elites], 2014, 1, pp.70–95. EDN: XIEMRP. (In Russian)

Bloch M. *Strannoye porazheniye: Svidetel'stvo, zapisannoye v 1940 g.* [L'Étrange Défaite. Témoignage écrit en 1940]. Moscow: ROSSPEN, 1999. 287 p. (In Russian)

Bobkowski A. *Nabroski perom (Frantsiya 1940–1944)* [Szkice piórkiem (Francja 1940—1944)]. St. Petersburg: Ivan Limbach Publishing House, 2021. 740 p. (In Russian)

Burlakov A.N. *Peten. Posledniy velikiy frantsuz* [Pétain. The last great Frenchman]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2022. 383 p. (In Russian)

Chirikova A.Ye. *Vlast', elity i krizis: strategii politicheskogo povedeniya* [Power, Elites and Crisis: Strategies of Political Behavior]. In: *Mirovoy krizis i politicheskiye izmeneniya. Politicheskaya nauka: Yezhegodnik 2010* [World Crisis and Political Changes. Political Science: Yearbook 2010]. Ed. by A.I. Solov'yev. Moscow: ROSSPEN, 2011, pp. 43–59. (In Russian)

Ciano G. *Dnevnik fashista, 1939-1943. XVII-XXI E. F.* [Diary, 1939–1943. XVII-XXI E. F.] Moscow: Plats, 2010. 672 p. (In Russian)

Dahrendorf R. *Society and Democracy in Germany*. Garden City, New York: Doubleday & Company, Inc., 1969. xvi+457 p.

Degrelle L. *Vospominaniya i razmyshleniya* [Memories and Reflections]. In: Degrelle L. *Vtoraya mirovaya voyna. Vzglyad yevropeytsa* [World War II. European view]. 3rd ed. Moscow: Totenburg, 2018, pp. 5–204. (In Russian)

Dorpalen A. *Germaniya na zare fashizma* [Hindenburg and the Weimar Republic]. Moscow: Tsentrpoligraf, 2008. 479 p. (In Russian)

Duka A.V., Chugunov A.V. *Gorodskaya elita v kontekste konstitutsionnogo krizisa: (kontent-analiz gorodskikh gazet, 1993 g.)* [Urban elite in the context of the constitutional crisis: (newspapers content analysis, 1993)]. In: *Sotsial'nyye i politicheskiye oriyentatsii Sankt-Peterburgskoy elity: Materialy mezhdunarodnogo simpoziuma. Sankt-Peterburg, 25–26 iyunya 1997 g.* [Social and political orientations of St. Petersburg elite. Papers of the International symposium, St. Petersburg, June 25–26, 1997]. Ed. by S.A. Kugel. St. Petersburg: St. Petersburg University of Economics & Finances Press, 1998, pp. 129–145. (In Russian)

Duka A., Chugunov A. *Konstitutsionnyy krizis i konsolidatsiya elity Sankt-Peterburga* [The constitutional crisis and the consolidation of the St. Petersburg elite]. In: *Transformatsiya rossiyskikh regional'nykh elit v sravnitel'noy perspektive: Materialy mezhd. seminara (Tver', 20–22.02.1998)* [Transformation of the Russian regional elites in a comparative outlook. Materials of an international seminar (Tver, February 20–22 1998)]. Ed. by A. Melville. Moscow: Mosk. obshchestv. nauchn. Fond [The Moscow Public Science Foundation], 1999, pp. 186–196. (In Russian)

Drieu la Rochelle P. *Dnevnik 1939–1945* [Journal (1939–1945)]. St. Petersburg: Vladimir Dal', 2000. 602 p. (In Russian)

Evans R.J. *Tretiy reykh. Zarozhdeniye imperii, 1920–1933* [The Coming of the Third Reich]. Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: Astrel, 2010. 640 p.

Feith H. *The Decline of Constitutional Democracy in Indonesia*. Ithaca, New York: Cornell Univ. Press, 1962. xx+618 p.

Field G.L., Higley J. *Elitism*. London; Boston: Routledge; Kegan Paul, 1980. xi+135 p.

Gerth H.H., Mills C.W. *The Character and Social Structure: The Psychology of Social Institutions*. New York: A Harbinger Book; Harcourt, Brace & World, Inc., 1964. xxi+490 p.

Gaulle Ch. de. *Na ostriye shpagi* [Le Fil de l'Épée]. Moscow: Evropa, 2006. 240 p. (In Russian)

Guttsman W.L. *The British Political Elite*. London: MacGibbon and Kee, 1963. 398 p.

Hoffmann-Lange U. Grazhdane i elity vo vremena ekonomicheskogo krizisa i obshchestvennykh volneniy [Citizens and elites in times of economic crisis and citizen unrest], *Vlast' i jelity* [Power and elites], 2014, 1, pp. 96–136. EDN: XIEMRZ. (In Russian)

Jünger E. *Sady i dorogi* [Gärten und Straben]. 2nd ed. Moscow: Ad Marginem, 2022. 364 p. (In Russian)

Karabushchenko P.L. Elita i voyna: fal'sifikatsiya pobed i porazheniy [Elite and War: Falsification of Victories and Defeats], *Kaspiyskiy region: politika, ekonomika, kul'tura* [Caspian Region: Politics, Economics, Culture], 2015, 4, pp. 334–339. EDN: VEEWCB. (In Russian)

Latypov R.F., Timasheva C.T. Tsikly rotatsii pravayashchey elity kak faktor krizisov politicheskoy sistemy Rossii [The rotation cycles of the ruling elite as a factor of crises of Russia's political system], *Vlast' [Power]*, 2016, 12, pp. 73–78. EDN: XIQZGL. (In Russian)

Mann M. *Vlast' v XXI stoletii: besedy s Dzhonom A. Khollom* [Power in the 21st century: Conversations with John Hall]. Moscow: HES, 2014. 204 p. (In Russian)

Mathieu B. Krizis tsennostey, krizis demokratii [Crisis of values, crisis of democracy], *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya* [Journal of Foreign Legislation and Comparative Law], 2020, 1, pp.7–9. EDN: EKTBBF. (In Russian)

Maurras Ch. O franko-germanskom sotrudnichestve i pravitel'stve Vishi [On Franco-German Cooperation and the Vichy Government]. In: Maurras Ch. *Fragmenty. Ob Anglii, Germanii, Frantsii i monarkhii* [Fragments. About England, Germany, France and the Monarchy]. Moscow: Totenburg, 2018, pp. 66–94. (In Russian)

Meisel J.H. *The Myth of the Ruling Class: Gaetano Mosca and the "Elite"*. With the first English translation of the final version of "The Ruling Class". Ann Arbor: Univ. of Michigan Press, 1962. viii+432 p.

Molchakov N.YU. Mezhdunarodno-pravovyye standarty ogranicheniya prav i svobod v usloviyakh chrezvychaynogo polozheniya [International legal standards

for limiting rights and freedoms in a state of emergency], *Mezhdunarodnyy pravovoy kur'yer* [International Legal Courier], 2018, 5, pp. 49–53. EDN: VCWGX. (In Russian)

Osipov Yu.M. Krizis mira i mir krizisa [The Crisis of the World and the World of the Crisis], *Filosofiya khozyaystva* [Philosophy of Economy], 2014, 5, pp. 167–178. EDN: TENXSH. (In Russian)

Pareto V. Dva gosudarstvennykh deyatela [Due statisti]. In: Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [Trasformazione della democrazia]. Moscow: Territoriya budushchego, 2011a, pp. 142–151. (In Russian)

Pareto V. Fenomen fashizma [El fenómeno fascismo]. In: Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [Trasformazione della democrazia]. Moscow: Territoriya budushchego, 2011c, pp. 196–200. (In Russian)

Pareto V. The Parliamentary Regime in Italy. In: Pareto V. *The ruling class in Italy before 1900*. New York: Vanni, 1950, pp. 11–82.

Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [Trasformazione della democrazia]. In: Pareto V. *Transformatsiya demokratii* [Trasformazione della democrazia]. Moscow: Territoriya budushchego, 2011b, pp. 23–94. (In Russian)

Pareto V. *Uchebnik politicheskoy ekonomii* [Manuel d'économie politique]. 2nd ed. Moscow: RIOR; INFRA-M. 591 p. (In Russian)

Protasenya Yu.Ye. Teoreticheskiye osnovy ponyatiya «krizis» [Theoretical foundations of the concept of “crisis”], *Izvestiya Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo ekonomicheskogo universiteta* [Proceedings of the St. Petersburg State University of Economics], 2014, 1, pp. 127–130. EDN: SCLRHT. (In Russian)

Sal'nikov V.P., Stepashin S.V., Yangol N.G. Pravovoy institut chrezvychaynogo polozheniya: ponyatiye i sushchnost' [Legal institution of the state of emergency: concept and essence], *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta MVD Rossii* [Bulletin of St. Petersburg university of the Ministry of internal affairs of Russia], 2000, 2, pp. 19–28. EDN: CRXXLE. (In Russian)

Schlesinger J.A. *Ambition and Politics: Political careers in the United States*. Chicago: Rand McNally and Co., 1966. xv+226 pp.

Schmitt C. *Diktatura: ot istokov sovremennoy idei suvereniteta do proletarskoy klassovoy bor'by* [Die Diktatur. Von den Anfängen des modernen Souveränitätsgedankens bis zum proletarischen Klassenkampf]. St. Petersburg: Nauka, 2005. 326 p. (In Russian)

Schmitt C. Dukhovno-istoricheskoye polozheniye parlamentarizma [Die geistesgeschichtliche Lage des heutigen Parlamentarismus]. In: Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Politische Theologie]. Moscow: KANON-press-C, 2000a, pp. 155–256. (In Russian)

Schmitt C. Legal'nost' i legitimnost' [Legalität und Legitimität]. In: Schmitt C. *Gosudarstvo: Pravo i politika* [State: Law and Politics]. Moscow: Territoriya budushchego, 2013, pp. 221–305. (In Russian)

Schmitt C. Legal'nost' i legitimnost' (poslesloviye k izdaniyu 1958 g.) [Legalität und Legitimität (Nachwort zur Ausgabe von 1958)]. In: Schmitt C. *Ponyatiye*

politicheskogo [Der Begriff des Politischen]. St. Petersburg: Nauka, 2016, pp. 270–279. (In Russian)

Schmitt C. Politicheskaya teologiya [Politische Theologie. Vier Kapitel zur Lehre von der Souveränität]. In: Schmitt C. *Politicheskaya teologiya* [Politische Theologie]. Moscow: KANON-press-C, 2000b, pp. 7–98. (In Russian)

Shulga N.A. *Dreyf na obochinu: Dvadsat' let obshchestvennykh izmeneniy v Ukraine* [Drifting to the Roadside: Twenty Years of Social Change in Ukraine]. Kyiv: Drukarnya Businesspoligraph LLC, 2011. 448 p. (In Russian)

Stone O. *Interv'yu s Vladimirom Putinym* [The Putin interviews]. Moscow: Al'pina Publisher, 2017. 350 p.

Tarrow S., Smith V.L. Crisis Recruitment and the Political Involvement of Local Elites: Some Evidence from Italy and France. In: *Elite Recruitment in Democratic Politics: Comparative Studies across Nations*. Ed. by H. Eulau and M.M. Czudnowski. Beverly Hills: Sage Publications; New York: distributed by Hasted Press, 1976, pp. 205–237.

Veblen T. *Teoriya prazdnogo klassa* [The Theory of the Leisure Class]. Moscow: Progress, 1984. 367 p. (In Russian)

Venner D. *Samuray Zapada. Nastol'naya kniga nepokorenykh* [Un samourai d'Occident: Le Bréviaire des insoumis (posthume)]. Moscow: Totenburg, 2017. 236 p. (In Russian)

Winkler H.A. *Veymar, 1918–1933: istoriya pervoy nemetskoj demokratii* [Weimar, 1918–1933: die Geschichte der ersten deutschen Demokratie]. Moscow: ROSSPEN, 2013. 878 p.

Žižek S. *Nepriyatnosti v Rayu. Ot kontsa istorii k kontsu kapitalizma* [Trouble in Paradise. From the end of history to the end of capitalism]. Yekaterinburg: Gonzo, 2021. 320 p. (In Russian)